

Я. Г. Солодкин

**НАЧАЛО МАНСУРОВСКОГО ГОРОДКА
В СИБИРСКОЙ ЛЕТОПИСНОЙ ТРАДИЦИИ
(из истории редактирования «Повести» Саввы Есипова
во второй половине XVII — начале XVIII в.)***

Созданная в 1636 г. Есиповская летопись Основной редакции (далее — ЕЛ), являющаяся центральным памятником сибирского летописания, до начала XVIII в. часто не только переписывалась, но и подвергалась более или менее существенной правке, отражающей пути эволюции книжной культуры позднесредневековой России. О такой эволюции свидетельствует, например, судьба рассказа Саввы Есипова о возникновении Мансуровского городка — первого русского укрепленного поселения в «Закаменьской стране».

По словам «архиепископля» дьяка, выступив из Москвы в Сибирь «во второе ж лето по Ермакове убиении»,¹ воевода И. Мансуров доплыл до Иртыша, на берегу которого татар «множество собираются во уреченном месте»,² и узнав о бегстве сподвижников «ратоборного»

* Исследование осуществлено в рамках исполнения государственных работ в сфере научной деятельности, задание № 2014/801.

¹ Имеется в виду не 1586 г., как порой считается (ПЛДР: XVII век. Кн. 2. М., 1989. С. 703), а 7093, о чем прямо сказано в Сибирском летописном своде (далее — СЛС) Шлецеровской редакции, поскольку Ермак погиб 5 августа 7092 г. См.: ПСРЛ. Т. 36. М., 1987. С. 62, 63, 345. Следом ссылки на это издание произведений «группы» ЕЛ приводятся в тексте.

Видимо, в представлении Есипова отряд Мансурова был послан в Сибирь в начале 7093 г., ибо к тому же «лету» (судя по контексту, к 1585 г., см.: *Шашков А. Т.* Погодинский летописец и начало сибирского летописания // Проблемы истории России: от традиционного к индустриальному обществу. Екатеринбург, 1996. С. 119, 120, 145) в «Сказании» владычного дьяка отнесена и экспедиция воевод В. Сукина и И. Мясного, «срубивших» Тюмень.

² Об «уреченном месте» читаем и в синодике «ермаковым казакам», в том числе в редакции, «написанной» Есиповым «к своему изправлению» (71, 380).

атамана «из града» (Кашлыка или Искера), «убоявшись», не приставая к берегу, двинулся «вниз по Иртышу», достиг Оби и, так как наступила осень, когда «лед в реках смерзается», затем зима, «повеле поставить городок над рекою Обью против иртышского устья» и расположился в этой крепостице; «по неколицех же днех³ к ней подступило множество остяков, живших по Оби и Иртышу; не сумев в течение целого дня овладеть русским острогом,⁴ «погание» к ночи отступили, а наутро явились к городку с кумиром, который «в земли их словутен» (то есть славен, как говорится в пяти списках ЕЛ и нескольких других летописях (65. Примеч. 88; 114, 126, 186, 252. Примеч. 52; 311, 365⁵)) и «его же вместо бога имяху». Этого кумира, — продолжает Есипов, — остяки поставили под деревом и «начаша ж жрети пред» идолом в надежде благодаря ему «христиан взяти и смерти предати», но осажденные пушечным выстрелом разбили на многие части и дерево, и стоявшего рядом кумира; «поганные» же, думая, что это удалось сделать лучнику, «от того часа возвратишася восвояси» (64–65).⁶

С точки зрения Р. Г. Скрынникова, о сооружении Мансуровского городка Есипов поведал на основании того же протографа, к которому восходит Строгановская летопись (далее — СтЛ).⁷ Сравнительно с ЕЛ в сочинении книжника, выполнявшего заказ «прикамских магнатов», сообщается о том, что кумиру, который «поганым нарочит и славен», они приносят множество даров из дальних городков; возле русской крепостицы этот идол был поставлен «в низком месте». Мансуров, если верить СтЛ, отправился за Урал в 7094 г. «после Семенова дни Летопроводца»; на Туре служилые люди встретили возвращающегося из Сибири сподвижника Ермака волжского атамана Матвея Мещеряка, который вместе с соратниками и «мансуровцами» двинулся в «Сибирское царство» по Туре, Иртышу, Тоболу и зазимовал в Обском городке. Наконец, в СтЛ подчеркивается, что со времени уничтожения кумира «поганные» уже не приходили к русскому острогу.⁸

³ Такая формулировка встречается в «гистории» Есипова и позднее (68, ср. 66).

⁴ Утверждать, что гарнизон Обского городка без труда отбил первый приступ (Березово (очерки истории с древности до наших дней). Екатеринбург, 2008. С. 56), думается, не стоит. К тому же, повторим, речь должна идти о попытках остяков в течение дня взять острог, заложенный русскими у Березовской протоки Иртыша.

⁵ См. также: Сибирские летописи (далее — СЛ). СПб., 1907. С. 41, 86.

⁶ О поклонении «сибирцев» кумирам в ЕЛ говорится и ранее (45, 48, 51, 54).

⁷ Скрынников Р. Г. Ранние сибирские летописи // ИСССР. 1979. № 4. С. 87–88, и др.

⁸ СЛ. С. 39–41, 85–87, 102–103. Недавно О. А. Рябова процитировала посвященные осаде Обского городка строки СтЛ, но оставила их без комментария. См.:

Вероятно, создатель этой летописи ее источник, к которому широко обращался и Есипов, дополнил сообщениями о Матвее Мещеряке (про судьбу которого сказано, скорее всего, опять-таки понаслышке, и в ряде других глав СтЛ). Дьяк же трех кряду тобольских владык, а может быть, его предшественник, сочинивший «писание» (72), нашел излишними указания автора протографа на дары «поганных» своему кумиру и их отказ от новых попыток овладеть Обским городком, а также появление Мансурова в Сибири «после Семенова дни» 7094 г. (Хронология изображаемых событий в ЕЛ и СтЛ вообще зачастую не совпадает).

Рассказ Есипова о сибирском походе Мансурова, скорее всего, запечатлевший воспоминания кого-то из тобольских служилых людей (или того, кому довелось «годовать» в Обском городке, или знавшего такого стрельца либо казака),⁹ отчасти перекликается с показаниями анонимного строгановского «историографа» об огнестрельном оружии ермаковцев, изумившем Таузака — придворного хана Кучума.¹⁰ Вслед за В. В. Трепавловым эти показания надлежит признать вымышленными, ибо такое оружие татарам Сибири, несомненно, было знакомо.¹¹ Сходным образом можно оценить и летописное свидетельство о реакции остяков на уничтожение русскими их кумира. Ее, пользуясь классификацией Е. К. Ромодановской, есть основания считать вымышленным обстоятельством, тем более, что ни летописец, ни тот служилый, рассказом которого софийский дьяк или его предшественник мог воспользоваться, разумеется, не слышал, как объясняли остяки «крушение» прославленного кумира. К тому же, «скверные боги» не помогли и Кучуму во время битвы «под Чювашею» (54).

Повествование Есипова о походе Мансурова в бывшие владения «сибирского салтана» неоднократно редактировалось.

В Румянцевском летописце (далее — РЛ) обоих видов читаем, что кумир, с помощью которого остяки намеревались захватить выстроен-

Рябова О. А. Этнос обских угров (остяков и вогулов) в сибирском летописании // Северный регион: наука, образование, культура. 2013. № 2 (28). С. 135.

⁹ Примечательно, что автор ЕЛ, а может быть, «писания», не знавший, где именно на берегу Иртыша татары собрались преградить путь войску Мансурова, сообщает про местоположение заложенного им городка — «против иртишского устья» Оби.

¹⁰ См.: СЛ. С. 16–17, 65. Ср.: С. 99.

¹¹ См.: Худяков Ю. С. Кольчуга Ермака. Легенды и источники // Тюркские народы: Материалы V-го Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири» (9–11 декабря 2002 г., г. Тобольск). Тобольск; Омск, 2002. С. 240; Трепавлов В. В. Сибирский юрт после Ермака: Кучум и Кучумовичи в борьбе за реванш. М., 2012. С. 128. Ср.: Назаров В. Д. Зауральская эпопея XVI века // ВИ. 1969. № 12. С. 109, 111. Примеч. 19.

ный Мансуровым острог, «словаше (слыл. — Я. С.) у них Словутес» (35, 40),¹² хотя у Есипова речь идет, повторим, о широкой известности кумира среди «иноземцев» Обь-Иртышья. Редактор, стало быть, не понял смысла указания «слогателя» ЕЛ, что, между прочим, подтверждает вывод Е. К. Ромодановской, И. Ю. Серовой и В. Г. Вовиной-Лебедевой о вторичности РЛ сравнительно с сочинением, возникшим в стенах тобольского Софийского дома в начале «святительства» Нектария (вопреки представлению Е. И. Дергачевой-Скоп и ряда других ученых об обратном соотношении этих «исторических повестей»).¹³

В Титовском и Абрамовском видах ЕЛ обнаруживается стилистическая правка текста: «поганные» представлены здесь как «окаяннии невегласи» (88), хотевшие «порабощения» христиан, говорится про «многи жреби», на которые русские разбили дерево и расположенного рядом с ним идола, «дивную» в оценке остяков стрельбу осажденных, возвращение в улусы «нечестивых» без «помощи себе от своего кумира». В Абрамовском виде произведения Есипова («Летописце тоболском») есть и ряд новых сведений об экспедиции Мансурова: его послал в «Сибирскую землю» царь Федор Иванович, добравшись по Тоболу до Иртыша, воевода узнал о бегстве казаков из Искера через «Камень»; перезимовав на Оби, так поступил и предводитель русской рати; он «дождався полой воды и собрався в струги своя ... и плыша ... круги, а городок свой созже» (96). (В действительности этот городок просуществовал до 1594 г. Острог, гарнизон которого составляли годовальщики, насколько известно, присылавшиеся из Тобольска, было велено «разломать» накануне «поставления» Сургута).

В Забелинском виде самой популярной сибирской летописи сказано о страхе, заставившем остяков спешно отступить от Мансуровского городка, когда «едином стрелянием таковое великое древо на многи части разбиша» вместе с кумиром — «чесным славным» по берегам Иртыша и Оби (114). В Лихачевской разновидности ЕЛ сообщается о появлении Мансурова в Сибири после Семенова дня с «мос-

¹² Кроме того, в РЛ Мансуров именуется то Иваном, то Иоанном.

¹³ См.: Ромодановская Е. К. Летописные источники о походе Ермака // Известия Сибирского отделения АН СССР. Серия общественных наук. 1981. № 11. Вып. 3. С. 24; Предисловие // ПСРЛ. Т. 36. С. 4. Ср.: С. 3; Серова И. Ю. Об источнике Есиповской и Строгановской летописей // Источники по истории Сибири досоветского периода. Новосибирск, 1988. С. 36; Вовина В. Г. Новый летописец и спорные вопросы изучения позднего русского летописания // Отечественная история. 1992. № 5. С. 123; Вовина-Лебедева В. Г. Новый летописец: история текста. СПб., 2004. С. 106–109, 111.

ковскими людьми» (подобно СтЛ),¹⁴ приведена уже знакомая нам оценка остяцкого кумира («славен и честен») и констатируется, что когда русские его «всего сокруши», «раздробиша и убиша» бога «поганых», те «к горотку не стали приходить» (126).

Из самой, пожалуй, любопытной среди вторичных разновидностей «Повести о Сибири и о сибирском взятии» — Погодинского летописца (далее — ПЛ)¹⁵ — узнаем о том, что рать И. Мансурова, насчитывавшая «семсот человек служилых людей розных городов, казаков и стрелцов»,¹⁶ отправилась в поход, когда «на Москве ж чающе Сибирь за государем, и живут в ней государевы люди», причем после смерти не только Ермака, но и князя С. Болховского.¹⁷ Воевода, оканчивается, «в судех» по Тоболу достиг Иртыша и, услышав, «яко град Сибирь пуст», поплыл к Оби, и там «на другой стороне против иртышского устья» «поставил» городок, где «с войском» и зимовал; в этом городке, который «зимним временем» безуспешно пытались взять остяки (почитавшие кумира «себе вместо бога»),¹⁸ Мансуров пробыл до весны (135–136).¹⁹ Как видим, редактор уточнил местоположение острога в Обь-Иртышье и хронологию описываемых событий, хотя едва ли по какому-либо новому источнику.

¹⁴ См.: СЛ. С. 39, 41, 85, 86. Зависимость от СтЛ ощутима и в РЛ, но создатель так называемого Лихачевского летописца пользовался сочинением анонимного строгановского «историографа» гораздо чаще.

¹⁵ Такая оценка ПЛ, думается, гораздо убедительнее представления Е. И. Дергачевой-Скоп и А. Т. Шашкова об этой «Повести летописной...» или ее протографе как начальном звене русской сибирской книжности. См.: *Солодкин Я. Г.* 1) Зарождение сибирского летописания: Источниковедческие очерки. Нижневартонск, 2005. С. 13–27; 2) Становление сибирской летописной традиции (спорные источниковедческие проблемы). Нижневартонск, 2009. С. 82–86, 125–148, и др.

¹⁶ Это известие может восходить к документальным материалам (хотя едва ли к составленным в Посольском приказе разрядным записям, как думалось Р. Г. Скрынникову), но ручаться за его достоверность не приходится. См.: Источниковедческие и историографические аспекты сибирской истории. Ч. 9. Нижневартонск, 2014. С. 31, 36–37. Примеч. 16.

¹⁷ Под началом этого воеводы (который в ПЛ, подобно ряду списков и вторичных разновидностей ЕЛ, называется Волконским), а также голов И. Глухова и И. Кирева в Сибирь на помощь ермаковцам прибыли, скорее всего, в начале осени 1584 г., три сотни стрельцов.

¹⁸ Н. А. Балюк и А. В. Матвеев, процитировавшие сообщение ПЛ об осаде Мансуровского городка, нашли, что кумир, на содействие которого уповали остяки, существовал еще во времена Г. Ф. Миллера. См.: Со времен князя Самара. В поисках исторических корней Ханты-Мансийска. Ханты-Мансийск, 2007. С. 144–146. Ср.: С. 105.

¹⁹ Некоторые из этих дополнений, внесенных в текст ЕЛ, привлекли внимание Р. Г. Скрынникова. См., например: *Скрынников Р. Г.* Сибирская экспедиция Ермака. Новосибирск, 1986. С. 49–50, 263.

В Головинской редакции (далее — ГР) СЛС (1689 г.) интересующий нас рассказ завершается указанием на то, что, лишившись у стен русского «града» своего кумира, остяки «быша мирны, и государю ясак начаша давати» (186). Последнее свидетельство находит косвенное подтверждение в жалованной грамоте «святоцаря» Федора куноватско-ляпинскому князю Лугую (август 1586 г.),²⁰ едва ли, однако, известной тобольскому книжнику. Скорее всего, он рассудил, что поскольку остяки перестали враждовать с русскими, то есть фактически подчинились им, перейдя «под высокую руку» московского государя, то и должны были выплачивать ясак (ср. 57). В ГР обширного свода, который велся в Тобольске почти со времени создания ЕЛ, в ряду событий, предшествовавших «поставлению городов и острогов в Сибири по взятии ее», названа и «присылка» туда Мансурова, который, однако, как и И. Глухов, «испужався, побеже к Москве» (189).²¹ В Миллеровском варианте той же редакции СЛС говорится о пребывании Мансурова «в Сибири в Старой Кучюмовской» (то есть Кашлыке или Искере) в 7092 г. По словам неизвестного «списателя», «виде, что Ермак з дружиною побит и воевод (вероятно, С. Болховского и И. Глухова. — Я. С.) нет же», Мансуров «убоявся, не дождався перемены и ничего добра не учинил, побежал через Камень к Русе» (189. Примеч. 31–33). Об основании крепостицы в Обь-Иртышском междуречье при этом даже не упоминается. Прочитированные строки явно перекликаются с началом Книги записной (далее — КЗ) — старшей из сохранившихся редакций СЛС, где пребывание Мансурова в Сибири приурочено к 7092 г. и сказано о том, что воевода, бежавший оттуда, испугавшись «поганых множества», «на Белогорье городок поставил и тут зимовал» (138, ср. 345).²²

В Нарышкинской редакции (далее — НР) СЛС (1694 г.) сообщается об осаде «срубленного» Мансуровым деревянного городка «превеликим множеством» вооруженных «поганцов», которые, оставшись

²⁰ См.: Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. 1. М., 1999. С. 262.

²¹ В ЕЛ утверждается, что Мансуров «убояся» татар, собравшихся на берегу Иртыша близ города Сибири, и, отступив, заложил Обский городок.

²² Такое же указание (которое в КЗ дополняет предыдущую фразу и, скорее всего, является вставкой) на местоположение заложенного Мансуровым острога имеется в летописи, созданной при участии митрополита Тобольского Игнатия Римского-Корсакова. См.: Богданов А. П. Общерусский летописный свод конца XVII в. в собрании И. Е. Забелина // Русская книжность XV–XIX вв. (Труды ГИМ. Вып. 71). М., 1989. С. 197.

Утверждение А. П. Богданова о целенаправленном захвате Мансуровым Белогорья как религиозно-политического центра представляется неверным. Судя по имеющимся данным, воевода с наступлением ледостава выстроил городок, дабы лишь презимовать.

без кумира, то есть утратив надежду на успех, принесли запасы и дары русскому воеводе, а согласно Томскому виду той же редакции «Истории о Сибирстей земли и о царстве, и к нему принадлежащих странах», — и ясак государю (251, 252, 311, 312).²³ В НР по Уваровскому списку приведены дополнительные подробности рассматриваемых событий «Сибирского взятия»: татарами, в сражение с которыми на берегу Иртыша не отважился вступить Мансуров, предводительствовал Сейдяк, тогда воевода узнал, что «оставиша град Сибирь пуст без российских людей»; «городок и острожок», «поставленный» русскими в Нижнем Приобье, осадили вооруженные луками и копьями остяки, самоеды и другие «языки» (251. Примеч. 14, 34, 35, 40–41, ср. 233. Примеч. 43–44). Возводить эти свидетельства к каким-то неизвестным источникам кажется опрометчивым. Вероятно, «писатель» посчитал, что раз накануне Сейдяк обосновался в Кашлыке, изгнав оттуда Алея, князь, являвшийся потомком Тайбуги, и должен был попытаться не допустить русских к Искеру;²⁴ самоеды в НР свода в отличие от ЕЛ названы в числе «языков», прибывших к Кучуму для обороны его столицы, а вскоре покоренных ермаковцами (52, 57, 240, 244); по этим летописям редактор знал и об отсутствии огнестрельного оружия у сибирских «иноземцев».

В Ремезовской летописи рубежа XVII–XVIII веков отмечается малочисленность отряда Мансурова («100 человек ратных») (ср. 66), тогда как «поганных» на берегу Иртыша собралось «яко песка», что и заставило русского воеводу отступить от Кашлыка. Осадив Обский городок, остяки, по свидетельству С. У. Ремезова, начали молиться у «болшого белогорского болвана», которого поставили под березой. (Ранее в «Истории Сибирской» сказано о том, что в «приклад белогорскому шайтану» был дан один из панцирей Ермака, взятый затем в святилище кодским князем Алачем). Тобольский «изограф» петровской эпохи упомянул и о возвращении на Русь «в весне чрез Камень» войска Мансурова.²⁵ На основании этого рассказа о «белогорском шайтане», который должен был помочь остякам захватить русский «град», пишут многие исследователи.²⁶ Едва ли такое опре-

²³ Об уплате ясака остяками читаем также в Академической редакции СЛС и Бузуновском летописце (365; СЛ. С. 303).

²⁴ Так, кстати, заключил и Н. М. Карамзин (*Карамзин Н. М.* История государства российского. Кн. 3. Т. 10. М., 1989. С. 15).

²⁵ СЛ. С. 346, 349, 436–437, 439–440.

²⁶ См., например: *Миллер Г. Ф.* История Сибири. Т. 1. С. 263; *Очерки истории Коды.* Екатеринбург, 1995. С. 93; *Худяков Ю. С.* Кольчуга Ермака... С. 241. Порой уточняется, что этот «шайтан» представлял собой изображение Мир-Суснэ-хума (Мир-ванты-ху или Орт-ики) — главного божества жителей Коды, имевшего общепорское значение (История и культура хантов. Томск, 1995. С. 81, и др.).

деление кумира, уничтоженного осажденными, появилось в «Истории Сибирской» под влиянием какого-то летописного сочинения, к примеру, КЗ. Скорее всего, тобольский сын боярский, затем дворянин, который считается крупнейшим русским географом и картографом своего времени, хорошо знал, что в устье Иртыша проживали белогорские остяки.²⁷ О численности же отряда Мансурова С. У. Ремезов, по всей видимости, сообщил наугад.²⁸

Итак, посвященные закладке Обского городка и его осаде остяками три главы ЕЛ (они восходят к протографу, которым располагал и автор СтЛ) в последующие десятилетия редактировались едва ли не чаще, чем рассказ софийского дьяка о гибели Ермака. Между вторичными видами «Повести о Сибири и о сибирском взятии» в этих главах налицо стилистические расхождения. Иногда в текст, вышедший из-под пера Есипова, вносились и фактические дополнения (больше всего их в ПЛ, Абрамовском и Лихачевском летописцах, «Истории Сибирской», Уваровском виде НР СЛС), источники которых, кроме СтЛ, и то в одном только случае, определить затруднительно; упоминая же о ясаке и дарах, принесенных остяками Мансурову, самоедах как участниках осады заложённого им на Белогорье городка, луках и копьях, находившихся на вооружении «иноземцев», редакторы (преимущественно тоболяки) лишь обнаруживают свою осведомленность в жизненном укладе и этническом составе коренного населения «Сибирской страны», в основных чертах остававшихся неизменными и долгое время после 1585/86 г.

²⁷ В «Служебной чертежной книге» С. У. Ремезова указано расстояние от Демьянского яма до Самаровского и от Самаровского «вниз по Обе реке ... до последнего Вежагорского городка Коцкаго» (*Дергачева-Скоп Е. И., Алексеев В. Н.* «Служебная чертежная книга» С. У. Ремезова: Археографический комментарий. Материалы // II Ремезовские чтения 2005: Провинция в русской культуре. Новосибирск, 2008. С. 511, и др.).

О белогорских остяках известно и документально. См., например: *Миллер Г. Ф.* История Сибири. Т. 2. М., 2000. С. 238, 248.

²⁸ Е. К. Ромодановской отмечена фантастичность цифр, приводимых в «Истории Сибирской» (*Ромодановская Е. К.* Сибирь и литература. XVII век. Новосибирск, 2002. С. 202).